

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

PRISONERS OF WAR IN RUSSIA DURING WORLD WAR I

Во время Первой мировой войны Россия стала одной из важнейших стран, которая держала военнопленных: по количеству пленных она занимала второе место после Германии и опережала Австро-Венгрию. Т. к. эти империи воевали с обеих сторон европейского Восточного фронта, возникло множество проблем, связанных с большим количеством военнопленных на фоне организационных недочетов и материального недостатка. В статье рассматриваются новые явления военного плена и исследуются некоторые аспекты международного права, а именно правовая защита военнопленных и благотворительная деятельность по отношению к ним. В целях сравнения в статье приводятся данные о военнопленных в ряде основных государств и рассматривается отношение к военнопленным в этих странах. В центре исследования находится Россия и ее роль как родины русских военнопленных, с одной стороны, и как страны, державшей военных в плену – с другой.

Ключевые слова: военнопленные; Первая мировая война; благотворительность, помощь военнопленным; международное право.

During World War I, Russia was one of the countries holding the largest number of prisoners of war, ranking second after Germany and ahead of Austria-Hungary. Since these states were at war on both sides of the Eastern Front in Europe, this contributed to a wide range of problems in relation to the number of prisoners of war, deficiencies in organization and shortages of materials. The author studies some new aspects of captivity and international law, such as the protection of rights and humane treatment of prisoners of war. Russia is compared to other countries at war in relation to its medical treatment and care for prisoners of war.

Keywords: prisoners of war; World War I; charity; help to prisoners of war; international law.

Характер обращения со сдавшимися в плен солдатами в эпоху Первой мировой войны существенно изменился по сравнению с пленом во время войн в XIX в. или Русско-японской войны 1904–1905 гг. Одним из основных факторов явилось то, что большому количеству

солдат нужно было предоставить необходимое обеспечение и заботу в течение длительного периода времени. После войны Франции и Сардинии против Австрии в 1859 г. был впервые установлен договор, условия которого должны были намного улучшить состояние раненых солдат и военнопленных. Важный шаг был сделан с первой Гаагской мирной конференцией в мае-июле 1899 г., идею которой как конференции по разоружению подал российский император Николай II. Наиболее значительным итогом конференции стала договоренность о нравах и обычаях войны. Вторым результатом стало принятие Женевской конвенции о защите раненых во время ведения войны на море. Аналогично и во время второй Гаагской конференции с июня по октябрь 1907 г. не удалось добиться ограничения всеобщего вооружения, но тем не менее были достигнуты соглашения о гуманизации последствий войны: были пересмотрены правила ведения войны, установлены права и обязанности держав, придерживающихся политики нейтралитета, а также рассмотрено обращение с подданными вражеских государств. К началу войны эти соглашения предоставили юридическую основу для правил обращения с военнопленными и уходу за ними [Грабар]. Эти правила с 1915 г. получили дополнительное расширение во взаимоотношениях на Восточном фронте через двусторонние переговоры и соглашения, что привело к более гуманной участи и улучшению положения военнопленных [Nachtigal, 2003, S. 91–94, 103–151]. Такие шаги касательно противника на Западном фронте были предприняты лишь позже и в меньшей степени.

Около 9 млн из 72,4 млн призванных в Первую мировую войну солдат попало в плен, что составляло приблизительно 12,4 % всех мобилизованных сил. Около 4,7 млн, т. е. более половины, находилось в распоряжении Центральных держав (Германии и Австро-Венгрии). Данные для отдельных держав с военной администрацией, располагающих большим количеством пленных, в частности России и Австро-Венгрии, определены еще неточно. Большинство военнопленных пришлось на фронт между Россией и Центральными державами, всего более 5 млн. Из них:

- 2,8 млн. солдат русской армии в Центральных державах (1,5 млн в Германии и 1,3 млн в Австро-Венгрии);
- 2,1 млн австро-венгерских, 170 000 немецких, 60 000–80 000 солдат Османской армии и несколько сотен болгарских пленных в России [Nachtigal, 2008, S. 345–384].

На балканском и австро-итальянском фронтах дело обстояло следующим образом:

- 170 000 сербов в Австро-Венгрии и 28 000 в Германии;
- 53 000 румын в Австро-Венгрии и 43 300 в Германии;
- 468 000 итальянцев в Австро-Венгрии и 170 000–180 000 итальянцев в Германии;
- 91 000 пленных в Болгарии (в том числе 30 000 сербов) и по меньшей мере 51 000 в Турции.

До ноября 1918 г. на фронте Франции и Бельгии 800 000 солдат Антанты попало в плен Германии: Франция потеряла военнопленными 535 000 солдат, Англия – 176 000 и Бельгия – 46 000. Позже в немецком плену оказались также американские солдаты и португальцы. Более 810 000 немцев были в руках Западной Антанты: 430 000 во французском, 335 500 в английском и 48 000 в американском плену. Кроме того, 16 000 австро-венгров попало во французское подчинение.

К октябрю 1918 г. Италия захватила 180 000 австро-венгерских солдат на фронтах Габсбургской монархии; вследствие ошибок австрийского командования во время переговоров о перемирии с Италией к концу войны в плен было взято еще до 360 000 австрийцев. До октября 1918 г. в войну против Центральных держав вступали также другие государства, в том числе и неевропейские. Как союзник Антанты, Япония содержала около 4 600 пленных немецкой колонии Циндао.

Уже к концу 1914 г. Германия стала державой с самым большим количеством пленных. На июль 1915 г. здесь числилось 1,5 млн пленных, а к началу ноября 1918 г. эта цифра возросла до 2,5 млн, из которых, однако, часть скончалась, а часть сбежала. По некоторым оценкам, в Германии погибло более 120 000 пленных – особенно в результате нарушающей международные права Британской блокады; это были в основном солдаты из России, Румынии и Сербии. В Центральных державах смертность резко возросла после голодной зимы 1916/1917 гг., а именно среди мирного населения и тех пленных, которые не получали поддержки в виде продуктов питания или одежды из родного государства. Вполне возможно, что смертность в Австро-Венгрии была даже выше, чем в Германии, в пределах до 200 000 человек. Впоследствии, в период до конца войны число пленных в Германии и Австро-Венгрии уменьшилось:

	Германия	Австро-Венгрия
Общее количество военнопленных	2,5 млн	~ 1,991 млн*
Погибшие	118 000–140 000*°	140 000–200 000*°
Избежавшие сферы Центральных держав (до окт. 1918)	7	70 000–106 000 (возможно, и больше)
Переданные по обмену (инвалиды)**		136 628
Дополнительно		17 000 итальянцев
Интернированные в нейтральных странах (полуинвалиды)	46 000–65 000	2 000
Сданные союзникам (готовые идти в бой «перебежчики»)**	5 000*	?
Приблизительное количество пленных на май 1918 г.	2,1 млн	~ 1,7 млн

* Неточные данные, оценки.

** Репатриированные из Германии и Австро-Венгрии солдаты русской армии на начало 1918 г. – 37 295.

*** Особенно мусульмане русской армии и колониальных армий Англии и Франции.

° Из которых солдаты русской армии (по оценкам): в Германии 72 000–90 000, в Австро-Венгрии 80 000–110 000.

В ноябре 1918 г. в Германии находилось всего не более 2 млн военнопленных. Что касается данных для Австро-Венгрии, точная цифра не поддается исчислению в связи с начавшимся крахом государства уже в октябре 1918 г. Однако можно определить, что смертность узников достигла приблизительно 5,6 % в Германии и 7,5–10 % в Австро-Венгрии. Для Османской империи с более чем 30 000 пленных (половину из которых составляли британские солдаты, половину – русские) и Болгарии с 91 000 пленных пока нет достоверных показателей смертности, которые, однако, вполне могут достигать приблизительно 20 %.

Немецкая армия, ведя наступление на Западном фронте, преодолела в течение нескольких недель сотни километров, выведя из строя большую часть соединений бельгийской и французской армий. На начало 1915 г. Германия захватила полмиллиона солдат противника в плен. Т. к. все воюющие стороны рассчитывали на скорое победное окончание войны каждый в свою пользу, о содержании пленных не позаботились в должной мере. Результатом данного просчета стала вспышка эпидемий в лагерях для военнопленных в Германии и Австро-Венгрии зимой 1914/15 г., строительство которых еще не было завершено. Особенно свирепствовал брюшной тиф, унесший жизни нескольких тысяч пленных: в большинстве своем солдат русской армии. Летом 1915 г. эпидемию удалось погасить благодаря успеху эпидемиологов; кроме того, лагеря были не так сильно заполнены в силу начавшихся первых трудовых работ, что существенно облегчило организационную задачу. Для большинства других государств эта проблема как таковая не существовала, т. к. у них было намного меньше пленных и они не сталкивались с опасностью инфекционных заболеваний. Разрядил обстановку, как это ни странно, физический труд пленных: его применение началось в обеих империях рано и достигло вскоре 70–80 % занятости. От работы были освобождены офицеры и равные им по статусу военные врачи, чиновники и священники, а также больные, инвалиды, правонарушители и пленные, для которых было предусмотрено особое обращение с целью привлечения их на свою сторону. В большинстве воюющих держав использование рабочей силы пришлось в основном на сельское хозяйство (до 60 % всех пленных), затем уже на промышленность, строительство и ремесло. В этих областях ухудшилась ситуация с продовольствием у Центральных держав. Еще хуже было положение для временно трудящихся на фронте, которых приходилось до 20 % от доли всех пленных на всех фронтах в воюющих странах, особенно на последнем этапе войны. Во Франции этот показатель был самым высоким – от 40 до 50 %, наряду с низким общим числом военнопленных. Работы пленных на фронте в России начались уже в июне 1915 г., однако не получили большого распространения: летом 1916 г. там числилось ок. 100 000 военнопленных [Nachtigal, 2003, S. 183–185, 201–203; Jones, p. 121–222].

Что касается немецкой и австро-венгерской линий фронта, доказано, что русские пленные составляли более высокий процент

на передней линии фронта от их общего числа в этих государствах (соответственно по 65–70 %). Общее число русских в Габсбургской монархии достигало 1,3 млн, или 65 %, в Германии – 1,5 млн или 60 %¹. В тылу, напротив, пленные контролировались государственными органами и инспекторами, что предоставляло им больше защиты. Там гражданские власти отвечали за управление своими подопечными и уход за ними. Кроме того, становилось невозможным безгранично эксплуатировать пленных на мирной территории. В заключительной фазе войны в Германии и Австро-Венгрии на переднем фронте насчитывалось 300 000–400 000 пленных, хотя военные министерства обеих стран предполагали, что о новых поступлениях пленных, приведенных для работы на фронте, не сообщалось и их количество не регистрировалось в центральных органах власти [Hinz, S. 267–318; Moritz, Leidinger, S. 171–194, 204–208, 234–237, 292, 331].

Но чем дольше длилась война, чем больше Центральные державы испытывали нехватку в продуктах питания и дефицит ресурсов, и чем больше притуплялась реакция на собственные и чужие страдания, тем более запреты и сомнения в вопросах человечности отодвигались на второй план, а защитные механизмы становились определяющими. Таким образом, для большинства пленных пребывание в Германии и Австро-Венгрии означало голод, физическую эксплуатацию и, как следствие, истощение, болезни и смерть. Как правило, наименее всего это коснулось британских, французских, а позже и американских пленных, которые получали поддержку и пожертвования из родных стран: продуктами питания, одеждой, обувью и т. д. С 1916 г. Франция оказывала поддержку и сербским солдатам Центральных держав, в то время как итальянское правительство воздерживалось от помощи вплоть до 1918 г., т. к. принимало своих солдат, попавших во вражеский плен, за перебежчиков и дезертиров. Именно это не в последнюю очередь сыграло свою роль в том, что около 100 000 итальянцев погибли в плену.

Российское правительство временно приняло позицию итальянского руководства – военные штабы иначе не могли объяснить себе такое высокое количество русских солдат, попавших в плен к неприятелю [Нагорная, с. 36–49]. Помощь для русских в Германии и Австро-Венгрии поступила поздно и в скромном размере, хотя именно правительства Центральных держав и гуманитарные организации нейтральных стран предложили России, чтобы та начала обеспечивать уход за соотечественниками. Мероприятия по оказанию помощи вновь ограничили после начала гражданской войны в мае 1918 г.

И хотя к концу войны зимой 1918/19 г. большинство пленных из стран Антанты было быстро репатриировано из Германии, судьба русских оказалась сложнее. На переговорах о перемирии в ноябре 1918 г. Англия и Франция, которые к тому времени уже полгода уча-

¹ Абсолютные цифры из-за колебаний 1916–1918 гг. недостаточно достоверны, однако исчисляются в сотнях тысяч.

ствовали в интервенции в России на стороне Белой Армии, требовали подождать с отправкой русских пленных на родину, чтобы Красная Армия не имела возможности использовать их в качестве подкрепления [Nachtigal, 2005, S. 239–266]. Это требование возникло вовсе не из гуманных соображений, т. к. Антанта начала немедленно набирать добровольцев в ряды Белой Армии из числа пленных. В то время как Габсбургская монархия уже распалась на отдельные государства и не существовало единого органа управления пленными, что позволило им самим освободиться из плена, немецкое правительство решило пойти против постановления Антанты. В интересах немецкого правительства было уменьшение числа пленных, которое к тому времени уже сократилось до одного миллиона, чтобы улучшить продовольственную ситуацию в Германии. Кроме того, после ноябрьской революции и политического хаоса в Германии русские, которые все больше воспринимались как угроза, наконец, должны были быть высланы. Однако страны Антанты, получив политический контроль над оставшимися в Германии пленными, не считали себя обязанными оказывать поддержку голодающим пленным своего некогда самого важного союзника. Вплоть до июля 1919 г. не соблюдалось обеспечение русских пленных. К тому же, ситуацию усугубила и начавшаяся в 1919 г. Советско-польская война. Несколько тысяч русских репатриантов в 1919/20 г. скончалось в Средневосточной Европе из-за промедления в переговорах между воюющими державами, которые все еще конфликтовали из-за пограничных вопросов. Эту проблему освещают документы, наглядно показывающие, что эти пленные еще летом 1918 г. числились находящимися в немецких лагерях. В конце концов, к февралю 1919 г. Германия освободилась от 900 000 бывших в плену русских. Поэтому, когда союзники провели в Берлине ревизию числа пленных в Германии, было обнаружено всего лишь 300 000 русских (в октябре 1919 г. все еще более 200 000, в октябре 1920 г. только 130 000). Большинство из них было репатрировано до 1920 г. через прибалтийские страны.

Репатриация последних русских пленных закончилась уже после окончания Советско-польской войны до лета 1921 г. В Германии оставалось после этого предположительно 40 000 русских, из которых только 10 000 были зарегистрированы официально. Примерно такое же количество бывших пленных было и на территории бывшей Габсбургской монархии.

В исторической памяти опыт и судьба русских солдат, бывших в плену, не играют значительной роли, т. к. большевистское правительство рассматривало эту войну как империалистическую, а ее «исторически необходимым» следствием должна была стать победа социалистической революции [Нагорная, с. 343–351, 366–380, 383–390]. Здесь не было дискурсивного места для памяти, отгесненного на второй план последовавшей кровавой гражданской войной с еще большими потерями. В 1930-х гг. даже стало опасно говорить

о бывших военнопленных на территории вражеских государств. Лишь после 1991 г. судьба русских пленных Первой мировой войны получает научное освещение, в то время как проблематика солдат из Центральных держав, взятых в плен Россией, затрагивалась уже со времен пятидесятой годовщины Октябрьской революции в публикациях об иностранных «интернационалистах», особенно в гражданской войне с 1918 по 1922 г. Тем не менее, советская историография ограничилась практически лишь этим аспектом, оставляя явление массовых лагерей военнопленных без внимания.

Россия числилась второй по значимости «державой в плену державой» (*Gewahrsamsmacht*), до конца 1915 г. захватившей 1 млн пленных, число которых выросло до октября 1917 г. до 2,4 млн. Фактически Россия была в состоянии содержать не более 2 млн пленных. Так же, как и Германия и Австро-Венгрия, она не была готова к поступлению такого огромного количества военнопленных. Т. к. осенью 1914 г. австрийская армия принимала на себя основной удар на Восточном фронте, ее солдаты и составили с самого начала подавляющее большинство пленных, взятых Россией. Так, уже к концу 1914 г. Сибирь и Центральная Азия были дополнительно предусмотрены для поселения десятков тысяч пленных. Узники добирались туда в товарных вагонах («теплушках») в течение нескольких недель без должного, а иногда и вообще без какого-либо обеспечения и ухода. Огромные расстояния стали большой проблемой для размещения военнопленных в России, которая в октябре 1914 г. приняла «Положение о военнопленных» (Петроград, 1914), правила которого устанавливали еще более высокие принципы гуманного обращения с военнопленными по сравнению с закрепленными в довоенных Гаагских соглашениях. Впрочем, для условий плена в России они не имели большого значения, т. к. государственные органы были не в состоянии их выполнять. Предприняв не совсем уместную попытку урегулировать наплыв пленных через Киев и районы Беларуси, Главное управление Генерального штаба распорядилось рассортировать пленных по этническому признаку: славяне должны были разместиться не далее Казанского военного округа, что ставило их в более благоприятные условия, освобождая их от долгих, а следовательно, и опасных для здоровья транспортировок. Этнические же немцы и венгры, к которым весной 1915 г. добавились офицеры, должны были быть отправлены в азиатскую часть страны [Nachtigal, 2003, 153–291]. Первоначальный хаос в тылу в европейской части России помешал выполнению приказа, который русским военнослужащим зачастую оставался непонятным: деление массы австро-венгерских солдат на славян и неславян не всегда представлялось возможным, потому что венгерские словаки или румыны называли себя либо венграми, либо русинами, а поляки и словенцы – австрийцами. Классификация западно- и южнославянских языков в какой-то степени добавила хлопот русскому командованию в тылу. Русская «национальная политика» как новше-

ство по отношению к военнопленным неприятельских стран, преимущественно из австро-венгерской армии, не соответствовала законам войны. Независимо от того, происходил ли переход на русскую сторону добровольно или по принуждению, пострадавшие теряли свой международно-правовой статус военнопленных, что позволяло им вновь выступить в качестве новобранцев – часто против их воли. То же самое произошло в 1918 г. и с (бывшими) взятыми в плен сторонниками большевиков, которые как «интернационалисты» (около 90 000, в большинстве своем венгры) бились во время Гражданской войны в рядах Красной Армии.

Чешским (и словацким) пленным, которые могли воспользоваться политическими органами эмигрировавших чехов в Петрограде и Киеве, было обеспечено более привилегированное положение. Многие чехи, которых австрийское военное руководство подозревало в дезертирстве, располагались с 1915 г. в Киевском военном округе, где они зачастую пользовались большими свободами и преимуществами: хорошо оплачиваемая работа, проживание в частных домах, представление своих политических интересов, а позже и управление лагерем Дарница в Киеве [Kalvoda; Pichlík; Nachtigal, 2005b, S. 167–193]. Южным славянам Габсбургской монархии была поставлена определенная задача: после поражения Королевской Сербской Армии в конце 1915 г. они были собраны на территории Украины и переданы «южнославянско-сербской добровольческой дивизии» под командованием сербских офицеров. В сентябре 1916 г. это подразделение было распущено в румынской Добрудже.

Австрийские пленные итальянской национальности и эльзасцы Германии были отданы на попечение консулов и военных атташе Италии и Франции, а в 1916/17 г. около 10 000 из них были отправлены в Западную Европу. Для прусских поляков или датчан области Нордшлезвиг не было предпринято специальных мер, хотя императрица-мать Мария Федоровна, будучи датской принцессой, вступилась за своих соотечественников.

Из-за больших расстояний и проблем с транспортом начиная с 1915 г. возникла проблема дефицита в обеспечении пленных. Зимой 1915/16 г. в крупных лагерях азиатской части России вспыхивали эпидемии, унесшие жизнь предположительно 400 000 пленных. Еще одной причиной явилось и то, что использование пленных в России как рабочей силы в целом началось достаточно поздно – лишь в 1916 г., когда южные славяне уже влились в ряды добровольческих подразделений. В конце лета 1915 г. на работах была занята всего лишь половина всех трудоспособных пленных, многие из них к зиме были обратно отправлены в переполненные лагеря, где они и были инфицированы. Ситуация улучшилась, как ни странно, благодаря введению принудительных работ с весны 1916 г. Везло, однако, не всем пленным: труд многих из них использовался на тяжелых, а подчас и не соответствующих международному праву о войне уличных работах в северной

части России, где появились заболевания цингой. Это привело в конце 1916 г. к взаимным репрессиям по отношению к военнопленным: в октябре 1916 г. Германия передала несколько сотен русских офицеров в подчинение нижним чинам (без принудительного труда), а Россия ответила в ноябре такой же мерой, пока к Рождеству 1916 г. после прямой интервенции немецкого императора и русского царя репрессии не прекратились [Нахтигаль, с. 139–153].

То, что положение пленных в России с 1915 г. постепенно улучшалось, было в немалой степени заслугой «помощи извне». Толчок к этому был дан императрицей-матерью Марией Федоровной. Уже летом 1915 г. были проведены две акции гуманитарной помощи между Россией и Центральными державами. Начиная с конференций Красного Креста в скандинавских столицах с ноября 1915 г. подобные мероприятия в годы войны получили широкое распространение. Первоначально произошел обмен списками погибших пленным. После определения условий обмена пленными инвалидами, последний начался в августе 1915 г. и сопровождался получением пакетов помощи, например, с одеждой и продовольствием. Пользу от подобных гуманитарных пакетов получали в основном пленные из Центральных держав [Egger, S. 79–112]. Царское правительство, опасаясь перехода собственных солдат на сторону врага, воздерживалось от передачи гуманитарной помощи своим пленным. Намерение немцев в начале 1916 г. поставлять солдатам русской армии гречневую крупу из России, которое было поддержано самой императрицей Александрой Федоровной, не было осуществлено из опасений, что продукт будет доставлен не по назначению. Более поздние попытки улучшить обеспечение русских пленным в Центральных державах продуктами питания также не увенчались успехом – не в последнюю очередь из-за бытующего общественного мнения, что царица немецкого происхождения намеревается обеспечить продовольствием Центральные державы. Это обстоятельство сделало невозможным предоставление помощи со стороны России. С осени 1915 г. шведские и датские работники Красного Креста получили возможность раздавать пакеты помощи в сибирских лагерях, которые так остро нуждались в них к предстоящей зиме. Акция помощи, которая первоначально планировалась быть ограниченной до нескольких транспортных эшелонов, постоянно расширялась.

В сентябре 1915 г. на Восточном фронте произошел первый обмен сестрами милосердия, которым разрешалось посетить пленным во вражеских государствах. Для начала три немецкие сестры милосердия отправились в Россию и три русские – в Германию. Позже пленным навещали и нейтральные делегации Международного комитета от Красного Креста. В военных округах европейской части России находились русские генералы, которые в качестве инспекторов с 1915 г. навещали пленным. Однако все они – и в Германии тоже были такие военные инспектора – не могли оставаться на нейтральной позиции. Поставка медикаментов и вакцины для прививок в 1916 г. сыграла

положительную роль для пленных в России, где в начале 1916 г. разразились эпидемии в лагерях. В Туркестанский военный округ были отправлены десятки тысяч прививок против малярии из датского Института сыворотки в Копенгагене и из Серо-терапевтического института в Вене. Т. к. Россия в довоенные времена получала медикаменты и средства наркоза преимущественно из Германии, то уже в 1914 г. здесь возникла их нехватка, восполненная позже японскими и американскими поставками.

В 1916 г. обмен инвалидами был возобновлен, а в 1917 г. продлен на обоюдной основе. Так, к концу 1917 г. 22 000 русских пленных были репатрированы в рамках обмена как военные инвалиды. С июля 1916 г. по февраль 1917 г. состоялась вторая поездка сестер милосердия. Интенсивный отбор на национальной основе и вербовка добровольцев среди австрийских пленных в России приводили к поляризации среди пленных: в некоторых лагерях чешские «военнопленные» командовали своими товарищами неславянского происхождения, притесняли их и отбирали пакеты помощи. В мае 1917 г. *česká družina* была преобразована в активное боевое подразделение, сравнимое по мощности с дивизией, три полка которого в июле 1917 г. вступили в бой на Юго-Западном фронте. Чешские и словацкие пленные, которые поддерживали идею независимого национального государства, уже не чувствовали себя пленными; те, кто оставался верен Австрии, считали себя жертвами притеснения и давления. Также и лояльно настроенные по отношению к Австрии итальянцы, румыны, южные славяне и немецкие эльзасцы попали под давление Временного правительства, объявившего о продолжении войны до победного конца.

Эти планы были нарушены неудачным наступлением русской армии летом 1917 г. Более того, оно внесло хаос в тыл, сопровождавшийся распадом государства осенью этого года. После Октябрьской революции положение пленных резко изменилось: ухудшились надзор и обеспечение продуктами питания, многие пленные европейской части России начали покидать свои рабочие места и переселяться в западные губернии. Органы управления пленными существовали в основном лишь на местном уровне, в так называемых «внутренних районах», где располагались большие лагеря: в Казанском военном округе, Сибири и Туркестане. Пленные из этих мест также собирались в Петроград, Белоруссию и Украину, особенно те, кто хотел вернуться на родину. Таким образом, с декабря 1917 г. до начала официальной репатриации, которая была согласована по условиям Брестского мира 3 марта и начата в мае 1918 г., из России на родину вернулось полмиллиона бывших пленных Центральных держав. Русских же в странах Центральных держав сознательно задерживали из-за интенсивных работ для военных нужд. Вплоть до расторжения договора большевистским правительством в ноябре 1918 г., который привел к временному прекращению репатриации, Россию покинули еще 400 000 пленных. И для них, и для пленных русских солдат с мая 1918 г. проводились мероприятия по репатриации в районах полити-

ческого влияния большевиков и Центральных держав. В советской России в мае 1918 г. начал свою работу центральный орган по вопросам беженцев и военнопленных – Центропленбеж [Щеров]. Однако это ведомство не то чтобы не стремилось содействовать репатриации, но, возможно, даже препятствовало ей по поручению большевистской власти, которая строила планы по вовлечению в революцию пленных из Центральных держав. Проводившаяся интенсивная пропаганда среди них также вредила процессу репатриации. Советское правительство прибегло еще к одной уловке, объявив пленных уже в начале 1918 г. «свободными гражданами» и предоставив им российское гражданство. Такое изменение статуса военнопленных не было предусмотрено юридически с точки зрения международного права.

Области в России, находившиеся во время Гражданской войны под властью Белой Армии и вооруженных сил Антанты, не участвовали в процессе репатриации в силу того, что они не признавали Брестский мир, и отправляли пленных обратно в лагерь. Это касалось около 500 000 пленных к востоку от Урала, 40 000 в Центральной Азии и более 200 000 в европейской части России. Несколько тысяч из них были добровольно или невольно вовлечены в военные действия, и их возвращение на родину было отложено до конца войны в 1920 г. [Nachtigal, 2005, S. 259–265].

Последними репатрированными из России пленными явились 2 500 венгерских офицеров, которые удерживались в лагерях до начала 1922 г. в качестве политического инструмента давления для освобождения как венгерского интернационалиста и бывшего пленника Бела Куна, так и 400 венгерских коммунистов, приговоренных к смерти правительством Хорти; манипулируя пленными офицерами, Москва намеревалась заставить Венгрию вызволить этих заключенных на свободу. Число пленных из Центральных держав, которые впоследствии остались в советской России, достоверно неизвестно, однако вполне может достигать пяти-, а то и шестизначной цифры: славяне австрийской армии, которые успели обзавестись семьями, а также «интернационалисты» предпочли не возвращаться на родину после провала революции. Некоторые из них погибли насильственной смертью во время сталинских репрессий 1930-х гг., в том числе и Бела Кун, работавший в Коминтерне.

Военный плен в России характеризуется как массовое явление, с самого начала сопровождавшееся тяжелыми лишениями со смертельным исходом, эпидемиями 1915/16 гг., а также серьезными, противоречащими канонам международного права работами. Это привело к одному из самых высоких показателей смертности среди пленных. Новой была и продолжительность плена, длившегося до 7 лет. Деление пленных царским правительством по национальному признаку из-за внутривойсковой конъюнктуры породило новый, негуманный метод, нашедший свое применение в дальнейшем в Гражданской войне в России и во время Второй мировой войны.

Наряду с этими бесчеловечными явлениями в обращении с военнопленными на Восточном фронте, вырисовывалась и ранняя идея гуманного обращения с пленными, казавшаяся вполне возможной благодаря кулуарной политике старых европейских династий. Что касается противника на Западном фронте, достижений было мало. Усиление тенденции к более гуманному обращению с военнопленными нашло свое выражение в 1929 г. во второй Женевской конвенции и последующих международных соглашениях, которые расширили диапазон задач Международного движения Красного Креста и повысили его полномочия. Поэтому во время Второй мировой войны стороны на Западном фронте обращали особое внимание на правила обращения с вражескими солдатами, взятыми в плен. Примечательно, что многие достижения по улучшению обращения с пленными были получены именно из опыта враждующих держав, ведущих боевые действия на Восточном фронте в 1914–1918 гг. (например, запрет на репрессии по отношению к военнопленным), хотя во время Женевской конференции 1929 г. только западные державы вели переговоры о судебных делах, касающихся обращения с военнопленными. Германия и Австрия после войны не обсуждали подобные дела с советским правительством, которое не проявляло интереса к данному вопросу. Уже во время Брестского мира обошлось без перечисления взаимных обид; заключающие мир стороны обязывались вести добрососедские отношения, поддерживать экономический обмен и репатриировать оставшихся гражданских и военных пленных. На фоне смены власти в России и экономической блокады против Центральных держав это представлялось возможным и понятным, однако в корне отличалось от общей идеологии Версальского мира, подписанного годом позже. Англия и Франция после войны, напротив, напряженно занимались процессами против военных преступников Германии, которые совершались и по отношению к военнопленным [Hankel]. Исследования военных преступлений, совершенных сторонами Антанты по отношению к пленникам из Центральных держав, не были предусмотрены Версальским договором и не считались предметом для обсуждения в принципе.

Притом в Англии и Франции однозначно происходили сомнительные с правовой точки зрения случаи обращения с военнопленными. Большинство пленных было прежде всего у Франции. Тем не менее, до 1917 г. число пленных не достигло и 10 % количества военнопленных в Германии, поэтому явления, имевшие место у воюющих сторон на Восточном фронте отсутствовали, а именно массовый характер захвата в плен и слабая организационная система, что наносило существенный вред здоровью военнопленных. Лишь во время крупных сражений лета 1918 г. число захваченных Францией немцев достигло 400 000. Британская армия взяла в плен и того меньше вражеских солдат, а до 1916 г. большинство из них были даже перевезены в Англию. В том же году их рабочую силу начали использовать, хотя скорее

локально, чем повсеместно: британская военная экономика, основывающаяся на принципах капитализма, не могла применять широко труд пленных, т. к. это могло создать конкуренцию на рынке труда. Ситуация незначительно изменилась после внедрения в Великобритании воинской повинности в 1916 г.: в 1918 г. в Королевстве работало 64 000 из 103 000 интернированных пленных [Jones, 2011, p. 117, 223–238].

Оставшиеся на континенте с 1916 г. пленные, захваченные британскими войсками, направлялись на работы в британские экспедиционные войска, хотя на передовую они посылались достаточно редко. Во французской армии временно был в силе приказ убивать противника, раненного на фронте, чтобы не причинить вред собственной боевой готовности (фр. *nettoyeurs*). Во время Лейпцигских процессов 1921 г. по военным преступлениям Франция предъявила обвинения против подобного приказа со стороны Германии в отношении французских раненых пленных, и даже, возможно, не без основания.

У Англии и Франции практически не было стратегических успехов на Западном фронте, но было очень много жертв погибшими, ранеными и взятыми в плен. Центральные державы были в конечном итоге побеждены изнурительным голодом и изнеможением. Материальное превосходство западной Антанты, наблюдавшееся еще с ранних времен, вовлечение ею в войну все больше новых союзников, большой резерв солдат и рабочей силы из колоний на фронте предотвращали определенные материально-технические проблемы, характерные для Центральных держав и царской России. Но чем эффективнее работала нередко преувеличенная военная пропаганда, в частности, против Германии, подогревая военные настроения в тылу, тем больше возрастало озлобление среди собственных солдат и мирного населения. Таким образом, западная Антанта долго воздерживалась от обмена инвалидами, которые были лишь частично признаны таковыми, в то время как Германия и, как правило, Англия (16 000 репатриированных в годы войны), более активно принимали участие в обмене инвалидами. Плен как раз-таки во Франции был урегулирован строже и тщательней, чем у других держав; националистически подстрекаемое гражданское население проявляло в немалой степени чувство ненависти, которое существовало еще долгое время после заключения перемирия.

Когда война закончилась, Франция отправила десятки тысяч военнопленных в бывшие районы боевых действий в качестве ремонтных бригад, где нередко случались ранения со смертельным исходом. К тому же, немецкие пленные использовались как инструмент давления на Германию, чтобы заставить ее подписать невыгодный для нее Версальский мир, что произошло лишь 28 июня 1919 г. Тем не менее, Франция держала пленных еще более года после окончания войны. Лишь в силу международного давления, в начале 1920 г. она освободила пленных и отправила их обратно. Среди пленных, работающих в рядах уборочных бригад, нередко случались самоубийства и вос-

станции. Поэтому нелиберальные методы обращения с пленными вызвали во Франции достаточно высокую смертность среди пленнх – 5,8 % (или 26 000 чел.). При этом голод, истощение и эпидемии играли незначительную роль. В Англии наблюдалась низкая смертность среди пленнх (2,8 %); в первую очередь, здесь пострадали военнопленные в эндемически нездоровых районах Ближнего Востока.

Большинство стран Антанты, в том числе и Англия, после окончания войны стремились из финансовых соображений как можно скорее репатриировать своих пленнх, что главным образом произошло летом и осенью 1919 г. Так же дело обстоит в США, Италии, балканских странах и Японии, которая в силу огромного географического отдаления не могла сразу выслать своих пленнхков обратно. Так, Франция является своеобразным исключением, как, кстати, и после Второй мировой войны. Эта страна была в Западной Европе глубоко оскорбленной державой, которая по политическим и эмоциональным причинам применяла нелиберальные методы обращения с пленнхами. В России в 1921–1922 гг. возвращение пленнх на родину было затруднено главным образом внешними обстоятельствами.

В неевропейских местах действия существенно меньше солдат попадало в плен, который, однако, из-за сложных условий служил предпосылкой к высокой смертности, особенно на Ближнем Востоке. Что касается германских колоний в Африке, немецкая Юго-Западная Африка могла оказывать военное сопротивление до 1916 г., в отличие от немецкого востока Африки, войска которого капитулировали лишь после перемирия в Европе. Белые пленнх там освобождались зачастую «под честное слово», а чернокожие пленнх были взяты в собственные войска. Существует еще необходимость тщательного изучения проблематики военнопленнх в балканских государствах и Османской империи, так же, как и в более основательном исследовании данного вопроса касательно Франции как тюремной власти (*Gewahrsamsmacht*).

Грaбар Вл. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М. : Зерцало, 2005. 888 с. [Grabar Vl. E. Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917). М. : Zertsalo, 2005. 888 s.]

Нагорная О. С. Другой военный опыт. Российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М. : Новый хронограф, 2010. 440 с. [Nagornaya O. S. Drugoj voennyj opyt. Rossijskie voennoplennye v Germanii v period Pervoj mirovoj vojny (1914–1922). М. : Novyj khronograf, 2010. 440 s.]

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога. 1915–1919 годы. Военная необходимость и экономические соображения. СПб. : Нестор-История, 2011. 320 с. [Nakhtigal' R. Murmanskaya zheleznaya doroga. 1915–1919 gody. Voennaya neobkhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniya. SPb. : Nestor-Istoriya, 2011. 320 s.]

Щеров И. П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск : СГПУ, 2000. 95 с. [Scherov I. P. Tsentroplenbez v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatelnosti v 1918–1922 gg. Smolensk : SGPU, 2000. 95 s.]

Egger M. Die Hilfsmaßnahmen der österreichisch-ungarischen bzw. der österreichischen Regierung für die österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen in Russland und Italien

1914–22. Ein Forschungsbericht // Militärische und zivile Kriegserfahrungen 1914–1918 / Hrsg. G. Barth-Scalmani. Innsbruck : Universitätsverlag Wagner, 2010. S. 79–112.

Jones H. Violence against Prisoners of War in the First World War. Britain, France and Germany, 1914–1920. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011.

Hankel G. Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg : Hamburger Ed., 2003.

Hinz U. Gefangen im Großen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen : Klartest, 2006.

Kalvoda J. The Genesis of Czechoslovakia. New York : Columbia Univ. Press, 1986.

Moritz V., Leidinger H. Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Österreich 1914–1921. Bonn, 2005. 384 s.

Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden : Greiner, 2003. 391 s.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges / Hg. Von J. Oltmer. Paderborn : Schoeningh, 2005a. S. 239–266.

Nachtigal R. Privilegiensystem und Zwangsrekrutierung: Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Österreich-Ungarn. Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges / Hg. Von J. Oltmer. Paderborn-Schoeningh, 2005b. S. 167–193.

Nachtigal R. Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2008. 67. S. 345–384.

Pichlík K. Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918. Zápas o československý program. Praha : Panorama, 1991.

Translated by Andreas Keller

The article was submitted on 21.12.2013

Райнхард Нахтигаль, PhD.
Германия, Фрайбург в Брайсгау
Фрайбургский университет
им. Альберта-Людвига
Reinhard.Nachtigal@geschichte.
uni-freiburg.de

Reinhard Nachtigal, PhD.
Germany, Freiburg i. Br.
Albert-Ludwigs University
of Freiburg
Reinhard.Nachtigal@geschichte.
uni-freiburg.de